

## **СМЕШНА ЛИ «СМЕШНАЯ КАРТИНА»?**

«Смеяться, право, не грешно Над тем, что кажется смешно» – эти ставшие уже фольклором строчки, по сути, формулируют проблему. С точки зрения традиционного религиозного сознания смех не есть грех, если что-то смешным кажется. А между тем, как известно, «коль кажется – надо креститься», то есть смех есть продукт наваждения. Ведь когда человек совершает зло, за левым плечом его слышится именно смех. Что же касается его антагониста, то, как известно, даже убедившись, что «это хорошо», Бог не улыбается. Нигде в Евангелиях нет и намека на улыбающегося Христа, в безграничной иконографии его улыбка не встречается ни разу. Смех ментально увязывается с дьяволом, человек же есть образ и подобие Божие, а не «двуногое без перьев, умеющее смеяться», по всем известной формулировке античного мыслителя (то есть язычника).

«Смеховая культура», столь исчерпывающе проанализированная Бахтиным, составляет языческий анклав в европейской культуре христианской эры.

Очевидно, реабилитация смеха в истории европейской художественной культуры прямо связана с секуляризацией всех ее сфер. Применительно к интересующему нас аспекту темы можно утверждать, что легитимизация смеха в европейском искусстве происходит параллельно его секуляризации. Профессиональное изобразительное искусство из сферы религиозной (икона как часть ритуала) переходит в светскую (появляется станковая картина); категория же «смешного», смех же как таковой из низовой культуры постепенно должны перейти в культуру «высокую».

Однако в эпоху Возрождения, когда в Европе формируется светское изобразительное искусство, категория «смешного» в нем практически не прослеживается. Ренессансная эстетика решает проблему красоты и гармонии как фундаментальных категорий нового сознания. Смешное в изобразительном искусстве эпохи Возрождения отсутствует. То, что представляется современному зрителю смешным, скажем, у мастеров Северного Возрождения – у того же Босха, Брейгеля – связано в первую очередь с «закрытостью» для него символического смысла изображения и, во вторую очередь, с особенностями изобразительной стилистики. Современникам вряд ли казались смешными такие изображения, как адские мельницы Босха, связанные с символикой колеса Фортуны: и в осознании современников явно составлявшие бинарную оппозицию к известной поговорке «Божья мельница мелет медленно, да верно».

На взгляд нынешнего зрителя, а тем более зрителя восемнадцатого-девятнадцатого веков, безусловно, смешны картины голландского бытового жанра XVII века, все эти «картинки из жизни голландских мужиков и баб», по хрестоматийному выражению их первого в России ценителя царя Петра I. Но является уже общим местом истории европейского искусства тот факт, что эти забавные жанровые сценки представляют собой аллегорические изображения человеческих пороков, то есть имеют назидательный смысл, иллюстрируя для современников «злонравия достойные плоды».

Живописание достойных плодов злонравия станет едва ли не центральной темой назидательного искусства Века Просвещения. Бесконечные «Карьеры мота», «Горестные жизни плута» и т.п. бичуют и высмеивают человеческие пороки. Высмеивают несомненно; однако смешно ли то, что они высмеивают? У кого из современных зрителей, кроме разве уж совсем примитивного поклонника нецензурных анекдотов, вызовут смех картина или гравюра У.Хоггарта «Бедлам», созданная по живым впечатлениям от лондонской психиатрической лечебницы? Между тем современникам, просвещенным людям Века Разума, сумасшедший казался смешон, в сумасшедшие дома ездили смеяться! «Юродивый» Перова не вызывает у сегодняшнего зрителя и тени улыбки, так же как шуты и карлики Веласкеса. Сатирическая графика журналов позапрошлого века устарела, кажется, даже раньше, чем помещенные в тех же номерах дамские моды. С другой стороны, в историю изобразительных искусств прочно вошли случаи, когда произведения нового искусства первоначально подвергались осмеянию (импрессионизм, авангард и т.д.) – чтобы затем занять место в музейных

стенах и энциклопедиях. Смех и здесь прочно связан с непониманием, неадекватностью реакции зрителя.

Так на самом ли деле смешна смешная картина, или смех над картиной оказывается лишь результатом определенной психологической установки и в конечном счете сигнализирует о неадекватном восприятии? Думается, однако, что вместо слова «адекватный» уместнее выглядел бы популярный культурологический термин «контекст».